

А. С. ХОМЯКОВ

**По поводу отрывков,
найденных в бумагах И. В. Киреевского**

<...> Глубокое уважение, с которым И. В. Киреевский говорил о прежних великих деятелях науки, и разумность его критического взгляда на них доказывают, как высоко ценил он их труды и как глубоко он их изучал. Действительно, снова отыскивать то, что уже давно уяснено, или томиться над системой, уже испытанною и уличенною в несостоятельности: таковы две опасности, предстоящие тому, кто вздумал бы вести мысль человека по новому пути, не ознакомившись вполне с старыми, ею пройденными, путями. Только отчетливое знание прежних школ философских дает право признать их ошибочность или неполноту и пытаться создать новое, более полное и стройное учение. Труд прошлых поколений не отвергается, но поглощается и пересозидается в новый труд поколения современного и в будущий труд поколений, имеющих за ним последовать.

Законный владыка древнего философского мира и кумир средневекового Аристотель был свергнут восстанием великих и свободных мыслителей; но свергнут был только кумир, а не тот царь древней науки, чье имя он носил: критика и метод Аристотелевский торжествовали, когда мнимый аристотелизм пал. Заслуга Стагирита¹ не умирала и не могла умереть, ибо она заключала в себе стихии бессмертия. На развалинах павшего авторитета возникло множество школ под знаменами эмпиризма, сенсуализма, идеализма или мистики; многие являлись имена, достойные благодарной памяти мыслящего человечества (таковы, например, Декарт или неподражаемо-разнообразный гений Лейбница); но по недостатку объема, или глубины, или логической строгости все учения, все школы действительно, хотя и бессознательно, разрешились на время в остроумном, но мелком и сухом скепсисе Юма². Почему ум человечес-

кий так долго блуждал по ложным путям и чем был обусловлен выбор этих путей, покойный Киреевский уже объяснил, показав зависимость мышления философского от верования религиозного и неизбежное влияние Латинства и Протестантства на все умственное развитие Западной Европы.

Скепсис Юма (особенно же его нападение на общепринятую связь между причиною и следствием) вызвал Канта. Этот светлый и строго логический ум нанес смертельный удар пирронизму³. «Законы разума не подлежат сомнению, ибо они не что иное, как самый разум, самое я человека; а в своем я человек не сомневается просто потому, что не может сомневаться, ибо нет той области, в которую мог бы он перенестись для утверждения своего сомнения, и нет орудия или процесса, посредством которого он мог бы сомневаться. Слово пирронист звук, а не смысл». Так можно выразить строгое и простое положение, выведенное Кантом в формулах, непривлекательных по их выражению, но неотразимых по их последовательности. В них высказывается его гениально-рассудительная природа. Положение Канта сделалось краеугольным камнем всей новой философии и, скажу более, всякой будущей философии. Не помню, кто-то сказал очень остроумно и не без глубокого смысла, что древняя философия говорила: «ощущаю, следовательно есмь» (*sentio, ergo sum* *); новая, освобожденная от схоластического аристотелизма, сказала: «мыслю, следовательно есмь» (*cogito, ergo sum*); Кантовская: «есмь, следовательно есмь» (*sum, ergo sum*); и в этом много правды. Полнота человека была поставлена с его несомненною уверенностью в себе. Но рационалистические формы мышления присутствовали при рождении великой школы Германской: они выражались в особенностях ее основателя, и им следовало развиваться далее при односторонности религиозных верований. Так и было. Сам Кант, не постигая вполне всей важности добытого им вывода, был исключительно рационалистом во всех своих дальнейших построениях и всю свою систему (т. е. во сколько она была себе верна) основывал единственно на логическом мышлении, и, читая его, чувствуешь, что едва ли мог он попасть на иной путь. В самых первых шагах его учения есть скрытое «следовательно», связующее непосредственное бытие человека с бытием новоприобретенным посредством труда мысли. Логическая формула, допущенная в эту высшую область самосознания, должна была развиваться рационализмом. Тем же путем, но еще

---

* Впрочем, это требует некоторых ограничений, хотя вообще верно.

решительнее шел пламенный Фихте, смело признавая *сущим* для человека только его личное понимание в раздвоении я *мыслящего и я мыслимого* (я — не-я, иначе субъект и объект). Тем же путем шел самый гениальный изо всех деятелей школы человек, которому подобные, по словам покойного И. В. Киреевского, рождаются тысячелетиями, Шеллинг. Он пополнил учение Фихте, примилив противоречие мыслящего и мыслимого (или отрицание я — не-я, *субъект-объект*) самым актом сознания (субъект-объективация), и этим положением повершил великодушное развитие самостоятельного духа в его логической определенности*.

Путь был рациональный, чисто рассудочный, но рационализм ударился об свою границу. Пусть Шеллинг и признавал первое, не проявившееся бытие тождественным небытию: из этого положения он не делал наукообразной формулы, служащей логическим началом дальнейшему развитию. Действительно, это видимо-отвлеченное бытие имело у него весь характер и права *сущего*, ибо переходило в объект и в целый мир явлений и сознаний какою-то внутреннею, несознанною, вольною силою. Достало ли у Шеллинга ясновидения, чтоб понять, что дальнейший путь в этом направлении невозможен, или не достало сил, чтобы пытаться продолжать его, или наконец, богатая душа почувствовала, хотя неясно, скудость рационализма: во всяком случае Шеллинг остановился. Его дальнейшая деятельность, еще блестящая разнообразием, глубиною и остроумием отдельных мыслей и соображений, еще полезная наукообразным противодействием восставшему в силе Гегелизму, не принадлежит уже ни истории школы, ни истории чистой философии. Ряд блестящих заблуждений, перемешанных с высокими истинами, не связанными между собою никакою разумною нитью, проблески поэтических догадок, затерянных в тумане произвольной гностики⁴; такова последняя эпоха Шеллинга, о которой И. В. Киреевский в своей последней статье говорил с такою горячею любовью и с таким скорбным сочувствием.

То, перед чем остановился гениальный учитель, пытался совершить великий ученик его, Гегель. *Сущее* должно быть совершенно отстранено. Само понятие, в своей полнейшей отвлече-

---

* Мне кажется, вернее бы должно назвать этот момент не субъект-объективацией (Subject-objectivirung), а объект-субъективацией (Object-subjectivirung), ибо в законе сознания мыслящее начало (τό πρῶτον), получая возвратное отражение объекта, обращается самопризнанием действительно в субъект.

ченности, должно было все возродить из собственных недр. Рационализм или логическая рассудочность должна была найти себе конечный венец и божественное освящение в новом создании целого мира. Такова была огромная задача, которую задал себе Германский ум в Гегеле, и нельзя не удивляться той смелости, с какою он приступил к ее решению. Он сначала берет простейшие познания из житейского круга и подвергает их суду логического рассудка или, лучше сказать, рассудочной диалектики. От определения, которое всегда оказывается неполным и неудовлетворительным, восходит он к другому высшему, над которым произносится тот же приговор, и все далее и далее, выше и выше, от грубо-осязаемой земли до тонкого и невидимого эфира мысли, и наконец до беспредметного знания, до совершенной пустоты, которой возможно уже только одно название: бытие. Гегелизм пройдет, как всякое заблуждение, и теперь уже он живет более в жизни бытовой, чем в науке; но феноменология Гегеля останется бессмертным памятником неумолимо-строгой и последовательной диалектики, о котором никогда не будут говорить без благоговения им укрепленные и усовершенствованные мыслители. Изумительно только то, что до сих пор никто не заметил, что это бессмертное творение есть решительный приговор над самим рационализмом, доказывающий его неизбежный исход. <...>

